Текст · 5 июня 2023, 07:34
Анна Павлова,

Девять жизней анархиста Петрова. История активиста из России, который воевал за Украину и погиб под Бахмутом

«Как анархист, революционер и русский человек я счел необходимым принять участие в вооруженном отпоре, который украинский народ оказывает путинским оккупантам. Я сделал это ради справедливости, защиты украинского общества и — освобождения своей страны, России, от гнета. Ради всех людей, которых гнусная тоталитарная система, созданная в России и Беларуси, лишает достоинства и возможности свободно вздохнуть», — это прощальное письмо Дмитрия Петрова, которое он оставил товарищам на случай своей гибели на фронте в Украине.

Письмо опубликовала «Боевая организация анархо-коммунистов» (БОАК) — объединение, которое пропагандирует партизанские акции внутри России, дает советы по их совершению и брало на себя ответственность за некоторые из диверсий. В БОАК говорят, что Петров был одним из основателей организации и, более того, еще в конце нулевых начал участвовать в радикальных акциях протеста, например, был одним из основателей «Черного блога». Этот коллектив не только освещал такие акции, но и принимал в них непосредственное участие: тогда анархисты жгли строительную технику и полицейские машины, военкоматы и офисы «Единой России».

Дмитрий Петров погиб[1] в боях за Бахмут 19 апреля.

Его смерть соратники подтвердили спустя неделю. Петрову было 33 года.

Анархист и антифашист, историк и любитель Русского Севера, активист-эколог и уличный партизан, исследователь Курдистана, политэмигрант и россиянин, воевавший за свободу Украины, — друзья и боевые товарищи говорят, что жизни Дмитрия Петрова хватило бы и на десятерых. «Медиазона» попыталась коротко рассказать, кем он был и как погиб.

Анархист и антифашист. «Мы должны построить анархизм при нашей жизни»

«Многие считают анархизм утопичной идеей. Дима как раз говорил, что если мы анархисты, мы должны реально построить анархизм при нашей

жизни, — вспоминает давний товарищ Дмитрия, уехавший из России анархист Иван[2]. — Если мы не стремимся этого сделать, вообще бессмысленно этим заниматься».

В анархистское движение Дмитрий пришел в середине нулевых, как раз в разгар уличной войны с неонацистами — в то время, когда от рук ультраправых каждый год гибли десятки и получали ранения сотни людей, а их организации проводили многолюдные «Русские марши». Государство предпочитало их не замечать, а иногда и оказывало покровительство, так что в те годы ультраправые чувствовали себя в России достаточно комфортно.

«Это такой молодой человек лет шестнадцати, который выглядит как металлист и очень хмурый и молчаливый сидит на собраниях (потом, правда, как начнет говорить и минут, наверно, десять, а то и пятнадцать мог не умолкать). А вот он же где-то в переходе метро "Пролетарская" сидит на каком-то нацисте и просто чудовищно его избивает, что его еле оттаскивают», — так Иван описывает Дмитрия тех лет.

Стычками с ультраправыми молодой Петров не ограничивался. Он быстро влился в протестное движение, важной часть которого в то время были локальные экологические протесты: активисты и местные жители боролись против вырубки очередного парка или леса ради застройки.

Язычник и эколог. «"Любовь" фашиста к Природе — не более чем лицемерие»

«Он занимался защитой того же Битцевского парка, уплотнительной застройкой, потому что в те годы она активно началась, занимался общежитиями и в нулевые, и десятые, когда людей выгоняли из общежитий, и он был среди тех, кто противостоял чоповцам», — вспоминает журналист Дмитрий Окрест, друг Петрова, публиковавший[3] его воспоминания о нулевых в книге «Быть скинхедом. Жизнь антифашиста Сократа».

Борьба за Битцевский лес, который московские власти недавно решили благоустроить, несмотря на возможный ущерб природе, идет и сейчас, а в начале десятых активисты выступали против прокладки там новой линии метро. Тогда же экологи противостояли застройке подмосковных лесов, например, ставили палатки в Цаговском или несли эковахты в Бутовском-. В 2009 году Дмитрий в своем «Живом журнале» призывал людей шиповать[4] там деревья гвоздями.

Антифашист Николай[5], познакомившийся с Петровым еще в 2004 году, вспоминает, что в то время Петров и анархисты из его окружения производили впечатление людей довольно радикальных, настойчивых и «очень догматичных». «Дима был пэган-антифа, — добавляет он. — Язычество, антифа — такую они повестку продвигали. Видимо, как-то это коррелируется и с его погонялом Эколог. Мы с ним тогда пересекались по акциям, связанным с экологией».

Знакомые замечают, что язычество не было для него каким-то мимолетным увлечением. Сам Петров называл язычество религией свободы, корни которой «уходят в те эпохи, когда ни государств, ни каст, ни каких-либо иерархий не существовало», и говорил, что нужно возродить в России языческие традиции и не позволить неонацистам «переврать и исковеркать содержание традиционной культуры».

«Нередко от ультраправых приходится слышать о том, что они разделяют традиционные языческие любовь и почтение к Природе. Но как эти люди собираются жить в гармонии с Природой, если их государственнические идеи неизбежно подразумевают необходимость конкурентного с другими странами промышленного развития и полного подчинения и человеческих, и природных "ресурсов" интересам их Государства? — писал он на сайте "Язычество против фашизма". — "Любовь" фашиста к Природе — не более чем лицемерие».

Самым известным и массовым противостоянием того времени стал конфликт вокруг Химкинского

леса, часть которого начали вырубать для прокладки платной трассы Москва — Петербург.

Активистам-экологам тогда противостояли не только полицейские и чоповцы, но и нанятые им в помощь ультраправые футбольные фанаты. Ответом на протесты стали нападения на противников вырубки, на главреда газеты «Гражданский форум», например, покушались трижды (в 2008 году ему нанесли десять ножевых ранений). Главреда «Химкинской правды» Михаила Бекетова, который рассказывал об угрозах со стороны мэра Химок, так жестоко избили, что врачи ампутировали ему ногу и пальцы на руке. Он потерял речь и скончался в 2013 году.

На этом фоне протестующие тоже радикализовались. 28 июля 2010 года несколько сотен анархистов и антифашистов устроили шествие к зданию администрации Химок, обстреляли его из травматического оружия, забросали камнями и дымовыми шашками, а потом скрылись, исписав стены лозунгами в защиту леса.

Остановить их силовики не смогли, зато бросились задерживать дежуривших в лесу экологов и возбуждать уголовные дела. Одна из лидеров защитников Химкинского леса Евгения Чирикова тогда прямо обвинила в радикализации движения политику властей.

Продолжение вырубки и волна репрессий против активистов подтолкнули часть из них к более радикальным, но и более скрытным, по сути, партизанским акциям.

Иллюстрация: Ника Кузнецова / Медиазона

Уличный партизан. «Мы воюем за людей против государства и его органов угнетения»

Анархисты из «Черного блога» не остались в стороне и проводили партизанские рейды в защиту природы, например, поджигали бульдозеры в том же Химкинском лесу, бытовки строителей в Битцевском или коттедж в элитном поселке, который строили в Дмитровском районе Подмосковья. Сейчас сайт удален, но копия сохранилась в веб-архиве.

Одним из этих партизан, как утверждает теперь БОАК, был именно Дмитрий Петров: «Дима стоял у основания анархического партизанского движения в конце двухтысячных. И продолжал оставаться партизаном каждый день с тех пор. "Народное возмездие", группа "ЗаНургалиева!"[6], "Антинашистское действие"[7] — все эти группы не обошлись без его участия. И да, разумеется, Дима был и одним из основателей знаменитого "Черного блога" и активным участником всех его акций. Включая подрыв поста ДПС на 22-м км МКАД».

«Информация про его участие в "Черном блоге" и БОАК появилась уже после смерти, — отмечает журналист Окрест. — Про это он никогда и не упоминал, я думаю, в целях конспирации».

Известность «Черный блог» получил благодаря освещению акций против силовиков: поджогов коктейлями Молотова отделов полиции и стоянок полицейских автомобилей, прокуратур и военкоматов (чем сильно опередил время — после вторжения России в Украину военкоматы заполыхали по всей стране).

Не обходили партизаны своим вниманием и отделения «Единой России» или офисы прокремлевского движения «Наши». Ответственность за такие поджоги часто брали на себя коллективы с явно издевательскими названиями: «ЗаНургалиева!», «Автономные стоматологи города Москвы», «Битцевский патруль "Зеленый Роджер"», «Антинашистское действие» и многие другие.

«За пропаганду фашизма» в декабре 2009 года атаковали редакцию газеты «Комсомольская правда» — ее закидали камнями и дымовыми шашками. Дмитрий Эколог в своем блоге объяснял одобрение акции тем, что корреспондент газеты Дмитрий Стешин сотрудничает с ультраправыми, а другие журналисты издания «пропагандируют нацизм» (Стешин действительно был близок к неонацистам из БОРН и помогал лидеру банды Никите Тихонову).

«Он был человек такой, достаточно радикальный в подходах и словах. Такой вот пассионарный чел, — вспоминает Дмитрия антифашист Николай. — 15 лет назад такой типаж был не востребован, а в 2022 году — пожалуйста».

Самая громкая акция «Черного блога» прогремела утром 7 июня 2011 года, когда произошел взрыв около поста ДПС на 22-м километре МКАД. Одним из ее участников, если верить БОАК, был и Петров. Никто не пострадал, незначительные повреждения получила только будка во дворе. Ответственность за подрыв взяли на себя анонимные анархисты, их сообщение появилось как раз в «Черном блоге».

«Место и время были выбраны нами так, чтобы рядом не было жилых домов и не могли пострадать случайные прохожие. Более того, само устройство было расположено так, чтобы не пострадали проезжающие мимо водители, — писали поджигатели. — Так что не верьте, если кто-то будет говорить или писать, что мы воюем против общества, против людей — мы воюем за людей против государства и его органов угнетения».

Из интервью поджигателей журналу Esquire о том, как они подорвали пост ДПС на МКАД (вероятно, одним из собеседников был Дмитрий Петров)

ДЕНИС[8]**:** Спускаемся с перехода над МКАД. Уже практически светло. Вот уже и какой-то пенсионер выгуливает собаку. <ÿ..ÿ Конечно, это полное безумие — возвращаться к несработавшей бомбе да и еще при свете, на виду у всей округи. Но столько усилий затрачено — невозможно уйти ни с чем.

Подходим к посту. Все так же, как мы оставили: тазик с углем и баллоном стоит между оградой и будкой. Алексей подходит к краю бетонированной канавы, зажигает фосфорную спичку и бросает в таз. Ничего не происходит. Неужели выгорел бензин? Обескураженные, медленно идем обратно к мосту. «Слушай, а ты точно видел, как спичка падает в тазик?» — спрашиваю Алексея. «Да, вроде так». — «Но точно сказать не можешь?» — «Нет, не уверен».

Последняя попытка. Возвращаемся, я перелезаю через канаву, вплотную подхожу к ограде, зажигаю спичку, бросаю прямо в тазик и… голубоватое пламя растекается по углю. Получилось! Теперь уже бежим, сердце екает — вдруг взрыв застанет нас на видном месте? Но радость от успеха заглушает тревогу.

БОРИС: Начинало светать. Я обратил внимание на непонятное движение за будкой. Присмотрелся, понял, что это отблески огня на деревьях. Горит!

Но вдруг на парковку быстро въехала машина, осветив фарами будку. Из машины выбежал гаишник, достал огнетушитель и начал гасить пламя. Безуспешно. Наоборот, казалось, что оно разгорается все сильнее. Гаишник забежал в пост и вышел с новым, большим огнетушителем. Снова неудача. Он зашел справа — но пламя полыхало все сильнее. Видимо, решив не рисковать, гаишник вернулся на пост. Пламя тем временем поднялось выше будки — но взрыва все не было. Запись успела кончиться во второй раз, я снова включил ее. К посту начали съезжаться полицейские машины.
И тут прогремел взрыв.

Этнограф и исследователь Русского Севера. «Его кто-то сравнил с Кропоткиным, князем-анархистом и ученым»

Но Петров жил не только протестами — он был еще ученым-антропологом, любил и изучал Русский Север.

«Дима не был похож на немалую часть антифашистов нулевых, — замечает Окрест. — Его кто-то сравнил с Кропоткиным, князем-анархистом и ученым, потому что Дима еще и по научной линии неплохо работал. Он изначально был этнографом, антропологом, изучал нематериальную культуру русских крестьян. И в целом вел очень много всяких просветительских курсов, кружков и прочего на протяжении и нулевых, и десятых, и двадцатых».

Окончив исторический факультет МГУ, Петров стал кандидатом исторических наук и работал сотрудником Института Африки РАН, ездил в этнографические экспедиции как по Русскому Северу, так и по центральным областям России. Немало заметок об экспедициях осталось в его «Живом журнале» — они перемежаются там с призывами «шиповать» деревья и участвовать в экологических митингах, размышлениями о язычестве, постами о борьбе с нацизмом и об акциях солидарности с репрессированными анархистами из Украины и Беларуси.

Например, в декабре 2014-го он так пишет о поездке в Углич: «В Угличском кремле есть три церкви <ÿ.-ÿ Где-то здесь произошло зверское убийство юного царевича Димитрия, ставшее отправной точкой Смутного времени. Канонизированный царевич сегодня напоминает о себе с угличского герба. Западная часть кремля фактически свободна от застройки — здесь располагаются небольшая рощица и пруд. Туристско-торгового жужжания тут намного меньше. Здесь можно остановиться, устраниться от шума, взглянуть на Волгу и… почувствовать дух древнего Углича. Не пренебрегайте этим местом, если окажетесь в Угличе».

Он защитил диссертацию о «сакральной географии» сел на востоке Архангельской области.

«Дима в принципе прекрасно знал историю России, историю своего края. Однажды мы вместе были в Петрозаводске, и он часами там рассказывал про местные петроглифы, — говорит Алина Яковлева[9].

. — Он также много знал про разные верования, в

том числе и языческие, и сам был язычником, мне кажется, искал в этом свое какое-то вдохновение, потому что видел в этом связь природы и человека».

Участник протестов в России и Украине. «Он не плыл по течению, он участвовал в создании течения по мере сил»

Новый виток протестов начался в России в декабре 2011 года, когда люди вышли на улицы против сфальсифицированных выборов в Госдуму. Петров, конечно же, принимал активное участие и в них, вспоминают его знакомые.

Протесты, собиравшие десятки тысяч человек, по сути завершились 6 мая 2012 года, когда за день до инаугурации Владимира Путина на третий президентский срок «Марш миллионов» закончился столкновениями полиции с демонстрантами. Власть ответила репрессиями: уголовным «болотным делом» и резким ужесточением законодательства о митингах.

За следующий год демонстрации почти сошли на нет. Последние заметные протесты того времени были связаны с приговором Алексею Навальному летом 2013 года (после них решение суда сразу пересмотрели, а Навальный смог даже стать кандидатом на пост мэра Москвы).

В Украине же к концу 2013-го разгорелся Майдан. Яростные протесты начались из-за внезапного выхода Украины из переговоров об ассоциации с

Евросоюзом, не прекращались несколько месяцев и в итоге привели к бегству из страны пророссийского президента Виктора Януковича и смене власти. Дмитрий Петров не мог оставаться в стороне и отправился в Киев.

«По-моему, приехал он еще до Нового года, и когда, собственно, непосредственно [20 февраля 2014 года] был расстрел на Институтской, он там тоже в этот момент был, на Майдане», — рассказывает Дмитрий Окрест.

Другой его знакомый, Владимир Платоненко, в воспоминаниях на сайте «Автономного действия» пишет, что Петров «принимал участие в обустройстве "Укрдома"[10], разноске еды на позиции и даже в бою 18 февраля», а также вместе с другими активистами попытался создать «Левую сотню» на Майдане.

«Он не плыл по течению, он участвовал в создании течения по мере сил и возможностей, — пишет Платоненко. — Это относилось не только к происходящему в Украине. И в экологических протестах и акциях, и в борьбе с точечной застройкой он старался выйти за рамки частного вопроса, превратить борьбу с одним из проявлений системы в борьбу с самой системой».

В марте 2014-го Россия использовала протесты как предлог для аннексии Крыма и начала оказывать активную поддержку вооруженным сепаратистам на востоке страны. Началась та война, на которой девять лет спустя, когда Россия начнет уже

полномасштабное вторжение в Украину, погибнет анархист Петров.

Иллюстрация: Ника Кузнецова / Медиазона

Антрополог в воюющем Курдистане и «большой друг курдов»

В годы после Майдана анархист и антрополог Дмитрий Петров переключился на исследование Курдистана. Летом 2012 года, в разгар гражданской войны в Сирии, на севере страны возник курдский анклав Рожава[11] — курдские отряды играли большую роль в борьбе с набравшим тогда силу «Исламским государством».

Петров отправился в Рожаву, которая, видимо, привлекала его и как ученого, и как анархиста: это регион, где политическое устройство основано на принципах самоуправления, анархизма и гендерного равенства.

«Рожава — это либертарный проект, который привлек большое внимание анархистов в связи с войной в Сирии и нарастанием авторитаризма в Турции, — говорит Алина Яковлева, которая помогала Петрову с редактурой сборников о Курдистане. — Когда под влиянием ИГИЛ там начала происходить джихадизация региона, курды были одной из наиболее мощных сил, сопротивлявшихся этому.

По сути, они боролись с тремя режимами: Асада в Сирии, Эрдогана в Турции и ИГИЛ. Им это удавалось достаточно эффективно, при этом сохраняя демократию внутри сообщества».

По ее словам, Курдистан интересовал Петрова не только с точки зрения вооруженной борьбы, но «в первую очередь с точки зрения социального образа жизни»: он изучал устройство школ, систему образования и здравоохранения, пытался понять роль женщин в политической жизни Курдистана. Яковлева подчеркивает, что он при этом не стремился создать «идеальную картинку» и всегда говорил о том, что считал неправильным.

«С одной стороны, он был очень тонким, скрупулезным. Всегда искал первоисточник, ставил под вопрос вообще все, что было написано и сказано кем-либо. То есть ему очень важно было проверить это на практике и самому, — говорит Яковлева. — С другой стороны, он был таким человеком-идеалистом, который идеалами жил и старался их воплощать даже на уровне микрокомьюнити».

Петров изучал севернокурдский диалект, дважды ездил в сам Курдистан — в южный анклав в Ираке и Рожаву в Сирии, писал научные работы и редактировал книги о регионе. Впрочем, возможно, Петровым руководил не только научный интерес: в посте о его гибели соратники по БОАК утверждают, что он «проходил обучение в Рожаве и принимал участие в освободительной борьбе курдского народа».

Вернувшись, он выступал с лекциями о жизни региона, написал несколько статей, редактировал сборники «Цветы пустыни: 10 лет революции в Рожаве» и «Жизнь без государства: революция в Курдистане», основал небольшой исследовательский проект *Hevale*.

«Дима был единственным исследователем Курдистана из России, который действительно путешествовал по Курдистану и знал все трудности этой борьбы», — пишет о нем живущая в Рожаве авторка канала «Женщина, жизнь, свобода». Она называет Петрова «большим другом курдов».

«Это люди, которые всю свою жизнь посвятили борьбе и многого добились. При этом они лишены всякого пафоса и не производят впечатление людей, травмированных войной, — говорил о курдских революционерах сам Дмитрий Петров, выступая на презентации сборника "Жизнь без государства: революция в Курдистане" (его составителями были сам Петров, Дмитрий Окрест и Максим Лебский).

— Они излучают спокойствие, убежденность и внутреннюю силу. Меня также удивила их начитанность: со стыдом я открыл для себя, что некоторые русские книги партизаны РПК[12] читали, а я — нет».

Русский анархист в Украине. «Ноль токса, только взвешенная позиция и аргументы»

Примерно в 2018 году Дмитрий Петров покинул Россию и перебрался в Украину. Друзья говорят,

что отъезд был вынужденным — в то время вместе с «делом "Сети"» начался новый виток репрессий против антифашистов и анархистов. Дмитрием, как и многими другими активистами по всей стране, тогда заинтересовались силовики.

«На самом деле он очень не хотел из Москвы уезжать, до последнего оставался, пока непосредственно угроза не появилась, — говорит Окрест. — И вернуться было его активным желанием. Он явно не хотел себя ощущать жертвой, очень не любил термин "политбеженец" по отношению к себе».

Украинский анархист Алекс[13] вспоминает, что в Киеве Петров уже вскоре организовал киноклуб, на который «приглашал людей из близких ему активистских сообществ», участвовал в акциях в поддержку курдских революционеров. По его словам, Дмитрий «в коммуникации всегда был очень мягким», так, для Алекса стала открытием другая сторона его жизни — участие в БОАК и подпольном активизме в России нулевых и десятых.

«Всю эту дерзость даже как-то сложно сопоставить с тем теплым ощущением, которое он создавал при личной коммуникации, — говорит Алекс. — Дима последние четыре года жил в Украине, но в его идентичности слово "анархист" всегда стояло рядом с "российский". Мы, собственно, не раз спорили по языковому вопросу, по вопросам российского империализма и националистическим тенденциям в Украине. Но он был собеседником, который умел слушать. Ноль токса, только взвешенная позиция и аргументы. Просто осталось очень теплое впечатление о Диме как о человеке. Который, как

оказалось, прожил еще с десяток жизней, кроме той, что мне посчастливилось знать».

О том, что Петрову была важна и его национальная идентичность, говорят и другие знакомые. Это нечасто встречается у анархистов, отмечает его товарищ Константин[14], но «в этом не было никакого национализма».

«Он был язычником, ему были не чужды религиозные идеи и мотивы. Ну, видимо, поскольку язычество — это что-то такое традиционно русское, славянское, то он его выбрал еще в довольно ранние годы и придерживался, — говорит Константин. — И он верил, что есть посмертное существование для него, что погибшие с оружием в руках попадают в Вальгаллу, некое хорошее место».

Прошлой осенью Константин вместе с Дмитрием Петровым воевал в районе Сватово и Кременной — после вторжения России в Украину анархист отправился на фронт, чтобы бороться против российской власти с оружием в руках.

Участник «Боевой организации анархо-коммунистов». «Это наше детище, рожденное верой в организованную борьбу»

Петров и в Украине не забывал свой опыт городского партизана. «Черный блог» объявил о закрытии еще в 2019 году (к тому времени он не обновлялся уже несколько лет), но на его месте

возник телеграм-канал «Боец Анархист» с похожей тематикой.

В июне 2020-го анархистская группа «Смельчаки» взяла на себя ответственность за поджог главного следственного управления Нацполиции в Киеве, их заявление появилось на сайте «Боец Анархист». Как писали «Граты», это был не первая акция анархистов — до этого они брали на себя ответственность, к примеру, за поджог вышки турецкого оператора в знак протеста против военной операции в Рожаве и за сожжение экскаватора фирмы, вырубавшей деревья в Киевской области.

Тогда же начались протесты в Беларуси, и Дмитрий Петров, по словам товарищей, ради участия в них нелегально перешел беларусско-украинскую границу. «Я не знал об этом, думаю, очень многие не знали по вполне понятным причинам, — говорит Окрест. — Потому что в случае задержания его экстрадировали бы в Россию».

Беларусские анархисты из группы «Прамень» пишут-, что Дмитрий тогда «поучаствовал в десятках маршей, помогал организовывать анархический блок на демонстрациях и даже успел позабрасывать ментов их же шумовыми гранатами».

«Я не могу сказать, что Дима был рискованный в смысле какого-то куража, но он был человеком, который готов, просчитывая последствия, точно двигаться в выбранном для себя направлении, — размышляет Окрест. — Он уже был активным человеком в нулевые, продолжал быть активным и в 2010-е, и, несмотря на в целом общую какую-то

апатию того поколения, к которому он принадлежал, он продолжал быть активным. И я вижу по соцсетям, многие люди были шокированы, что он все еще был активным, что он был на фронте. Дима был таким, очень всеобъемлющим».

После вторжения в Украину на основе канала «Боец Анархист» возникла «Боевая организация анархо-коммунистов» — одно из партизанских объединений, чьи участники уверены, что диверсии и вооруженное сопротивление в России помогут остановить войну.

Участники БОАК не раз брали на себя ответственность за такие партизанские атаки, например, поджог вышки мобильной связи в белгородском селе Беломестное (чтобы нарушить «связь между полицейскими и военными силами»); разведение рельсов на железнодорожной ветке, ведущей к учебно-тактическому центру Минобороны около Сергиева Посада; диверсию на железной дороге, ведущей к военной части под Киржачом.

«Призываем всех присоединяться к рельсовой войне! — писали они после подрыва под Киржачом. — Каждый остановленный поезд — это минус снаряды и ракеты, которые могли бы прилететь в мирные украинские города».

В БОАК говорят, что Дмитрий Петров стоял у истоков организации. «Я — член Боевой организации анархо-коммунистов и останусь им и после смерти, — писал сам Петров в письме, составленном на случай его гибели на фронте. — БОАК — это наше детище, рожденное верой в организованную

борьбу. Мы сумели повести ее по разные стороны государственных границ. Я всеми силами старался внести свой вклад в победу над диктатурой и социальную революцию. И горжусь своими товарищами, которые вели и ведут борьбу в России и за ее пределами».

Доброволец в рядах ВСУ. «Меня изгнали те же твари, которые сегодня пытаются поработить Украину»

«Внесите любую, хотя бы самую малую лепту в то, чтобы остановить эту войну и устроившего ее безумца-тирана. Любой, даже самый крошечный шаг в России сейчас на вес золота. Я чувствую и верю, что многие миллионы моих соотечественников не поддерживают творящийся ад. Не оставайтесь равнодушными и безучастными, пока с нашего бездеятельного (не)согласия российское государство убивает ни в чем не повинных людей», — писал Петров в своем фейсбуке в начале войны.

После 24 февраля он стал публиковать там зарисовки сначала о жизни в военном Киеве, а потом и о своих боевых буднях. В октябре, уже оказавшись на фронте, Дмитрий запостил фото вещей, брошенных российскими военными после бегства из-под Харькова: «Наткнувшись на гору непочатых бутылок воды "Святой источник", почувствовал тоску по родине, откуда меня изгнали те же твари, которые сегодня пытаются поработить и разрушить Украину... Где-то видел тонны армейских сухпайков, рулоны георгиевских лент и предметы военной формы. В немногих работающих магазинчиках

можно встретить товары из России или с других оккупированных территорий. Но такие "приветы из дома" оставляют лишь противоречивые ощущения».

Готовиться к войне украинские анархисты начали еще до 24 февраля, вспоминает член антитоталитарной волонтерской сети «Колективи Солідарності» и журналист Сергей Мовчан. Активисты решили, что в случае нападения России часть из них пойдет в территориальную оборону, а часть создаст волонтерское движение, которое будет поддерживать бойцов. На собрании, где обсуждалась эта идея, присутствовал и Дмитрий Петров — в Украине он уже был известен не как Эколог, а как Леший (и потом, уже с фронта, он давал интервью под псевдонимом Илья Леший).

После начала вторжения Леший оказался в тероборонe Киевской области, где вместе с другими анархистами пытался создать «антиавторитарный отряд».

«Он до последнего говорил о том, что мы здесь воюем не против народов, мы здесь воюем против режима, — вспоминает Мовчан. — И ему не нравилось, что язык вражды направлен на русских как таковых. Одно дело — солдаты, власти, пропагандисты, но он говорил, что мы здесь сражаемся в том числе и за свободу русского народа. Он был интернационалистом до последнего. И это был тот человек, с которым, как мне казалось, по окончании войны мы будем участвовать уже в политической жизни России, Украины, Беларуси».

Иллюстрация: Ника Кузнецова / Медиазона

На фронт Дмитрий попал не сразу: несколько месяцев они ждали, что бойцов их отряда отправят в зону боевых действий, но этого не происходило, и многие начали поодиночке искать, как им попасть на передовую.

«Дмитрий никогда не был, скажем так, энтузиастом военного дела ради военного дела, — рассказывает анархист Алексей Макаров. — Для него очень важно было не просто принять участие в защите украинского народа — это, конечно, такой долг гуманизма, — но для него всегда была важная политическая составляющая. Участие в войне должно было послужить пользе анархического движения в Украине и на всем постсоветском пространстве. По его мнению, анархисты должны были стать узнаваемой силой как в Украине, так и в России».

Сам Алексей Макаров тоже политический эмигрант, бывший активист НБП. В 2006 году 17-летний Макаров попал под уголовное дело после нападения членов прокремлевского движения «Местные» на нацболов, почти два года он провел в СИЗО, дожидаясь приговора, и вышел вскоре после его оглашения.

Макаров уехал в Украину, опасаясь нового уголовного преследования. Там он сразу включился в борьбу с пророссийскими силами. В 2011 году его осудили уже в Украине по делу о нападении на одесский прокремлевский телеканал. После освобождения[15]

Макарова едва не экстрадировали в Россию, но благодаря вмешательству правозащитников он смог получить убежище в Швеции.

Летом 2022 года Макаров вернулся в Украину, чтобы защищать ее с оружием в руках. Вместе с Дмитрием Петровым он в итоге оказался в одном из батальонов 95-й отдельной десантно-штурмовой бригады ВСУ, в августе они оба отправились на фронт.

«Мы не были гражданами Украины, поэтому официально нас оформить было довольно затруднительно, нас взяли на правах добровольцев, то есть мы не получали зарплату, каких-то социальных гарантий, — объясняет Макаров. — Тогда это было Изюмское направление, Донецкая область. Когда [в сентябре] началось наступление, мы начали двигаться в сторону Сватово и Кременной. Со второй половины октября наше подразделение активно участвовало в штурмовых действиях на Сватовском направлении. С начала декабря и по конец февраля бои в принципе были почти каждый день».

Дмитрия он называет «очень легким в общении», внимательным к товарищам и «практически идеальным человеком» в военном быту. «Всегда готов встать первым, в избе какой-то растопить печку и при этом никому ничего не сказать типа: "Почему вы спите, а я печку топлю каждый день", — смеется Макаров. — И он очень хороший организатор и умеет вдохновлять людей, но при этом полностью лишен токсичной маскулинности и какого-то авторитаризма».

Видимо, на войне Петров пытался реализовать и какие-то идеи, почерпнутые у курдских революционеров. В интервью изданию *DOXA*, которое он давал под именем Илья Леший, он рассказывал, что в антиавторитарном взводе в составе теробороны

они решили проводить такмиль — «сеанс критики и самокритики, во время которого обсуждались решения командования и тренировочный процесс». В отделениях же избирали заместителей командиров, которые в том числе могли передавать критические замечания выше. В подразделении ВСУ, в котором он и провоевал полгода, по словам Дмитрия, не было «специальных демократических институтов», но командир по своим взглядам был близок к анархизму, поэтому нравы там были достаточно демократичными.

Он признавался, что на фронте ему не хватало близких, привычного круга общения и возможности побыть в одиночестве, отвлечься от мыслей о войне или свободно пойти куда захочется: «Спустя год могу сказать, что война — это предельно утомительное занятие. Особенно изматывающими стали последние месяцы: начиная с декабря мы оказались интенсивно вовлечены в боевые действия и подвергаемся усиленным нагрузкам. Но меня подбадривает убежденность в правоте нашего дела и пример революционных организаций, партизаны которых воюют не то что год — десятилетиями».

Ранений в боях Петров избежал, но, как вспоминает воевавший с ним Константин, однажды в суматохе едва не угодил под свой же отступавший танк: «Это была операция штурмовая, группа, в которой он был, должна была заехать на броне. Там не очень получилось, они с брони слезли, и танк начал отступать. А водитель по приборам ориентируется, поэтому пехоте надо быть очень осторожной вокруг танка. Он поехал в сторону солдат, Дима не успел выскочить, но там была какая-то яма, закиданная

поваленными соснами, ему удалось в эту яму запрыгнуть, и, видимо, бревна его защитили».

В начале марта Дмитрий Петров и его товарищи-анархисты вернулись в Киев. В городе он пробыл всего пару недель, хотя, как вспоминает Константин, они обсуждали между собой, что стоит отдохнуть, всем хотелось хоть немного пожить спокойно. Но «новый военный проект»-[16], в который включился Петров, показался ему достаточно перспективным для исполнения мечты об анархическом отряде.

«Он был не чужд каким-то совершенно обычным, человеческим радостям, вкусный ужин с бокалом вина и все такое. Не то что он был фанатиком, нет, ни разу, — отмечает Константин. — После возвращения он не рвался сразу в какие-то тяжелые условия. Но возможность создать это анархическое подразделение он считал очень важной — важнее, чем любые его желания, какие-то его привязки к мирской жизни. И поэтому он просто проявил большую волю, снова пойдя на войну. Он был бесстрашный такой и во многом немножко рыцарь».

Смерть при обороне Бахмута

Новое подразделение, в котором оказался Дмитрий Петров, отправили на защиту Бахмута.

19 апреля Леший и двое его боевых товарищей — ирландский анархист Финбар Кафферкей и американский морпех и левый активист Купер Эндрюс — погибли под Бахмутом.

Финбар, он же Чиа, что с курдского переводится как «гора», чем-то напоминал Дмитрия Петрова. На родине он участвовал в экологических протестах и боролся против строительства нефтепровода, а позже уехал в Курдистан и принял участие в революции в Рожаве, воевал против «Исламского государства».

«Они участвовали в штурме, — рассказывает Алексей Макаров, узнавший подробности гибели друга от товарищей из Киева. — Это была дорога между Бахмутом и Хромово, тогда были самые ожесточенные бои[17] в апреле за нее, потому что ее пытались перерезать, и они штурмовали позиции противника, чтобы отбросить их от дороги. Они молодцы, свою боевую задачу выполнили, взяли штурмом позиции. Но потом попали под сильный минометный артиллерийский обстрел».

Тела Лешего и других погибших долгое время не могли найти — эта позиция, по словам Макарова, переходила из рук в руки практически весь апрель. Но в мае украинские военные «окончательно отбросили оттуда россиян», и сейчас идет процедура опознания тел, которые удалось там найти.

«Если тела найдут, будет длительный период опознания, — объясняет Макаров. — Тем более что много времени прошло. И так как этот участок переходил из рук в руки, там много было погибших — и украинские военные, и российские».

В ближайшее время Макаров собирается вернуться в Украину: «В принципе, я считаю своим долгом продолжить дело Димы, то есть работать для организации анархического движения и объединения анархистов в отдельное подразделение. Это была наша общая цель, но было некое разделение задач, скажем так. Но поскольку Дима погиб, я обязательно вернусь».

«Анархистское движение — оно такое, специфическое, очень разрозненное. Дмитрий хотел его объединить, все свое время, всю свою активность он этому посвящал, — говорит об этой идее друг Петрова по имени Андрей[18], тоже воюющий за Украину. — Знаете, он как из книжек обо всех старых революционерах, которые все вкладывали в идею. Человек, так сказать, больше скорее модерна, чем нынешней эпохи».

За несколько дней до гибели Дмитрия они договорились встретиться в Краматорске — оба были в тот момент в Донбассе, но воевали в разных подразделениях. «Я ему говорил по поводу последнего подразделения, что, как бы, это не самая лучшая затея, — вспоминает Андрей. — А Дмитрий, извините, ответил цитатой Тимура Муцураева: "Ведь ясно сказано в Коране, что обязателен джихад"».

Отправляясь на фронт в Украине, российский анархист Дмитрий Петров — он же Илья Леший, он же Эколог, он же Фил Кузнецов, Сева и Лев — оставил товарищам из БОАК письмо, которое они должны были опубликовать в случае его гибели.

«Мои дорогие друзья, товарищи и родные, я прошу прощения у всех, кому причинил боль своим уходом, — писал Петров. — Я очень ценю вашу теплоту. Однако свято верю в то, что борьба за справедливость, против угнетения и несправедливости — это один из самых достойных смыслов, которыми человек может наполнить свою жизнь. И эта борьба требует жертв, вплоть до полного самопожертвования».

Он просил близких «продолжить активную борьбу, чтобы добиться свободного общества, основанного на равенстве и солидарности». «Риск, лишения и жертвы на этом пути — наши неизменные спутники, — признавал он. — Но будьте уверены — они не напрасны».

«Для меня победа — это в первую очередь восстание в России, это военное поражение путинской армии. По моей мечте, это должно привести к тому, что наше многострадальное российское общество все взбудоражится, встанет на дыбы и сбросит то дерьмо, которое мы вынуждены нести уже больше 20 лет», — говорил сам Петров в подкасте «Публичные призывы».

В тот момент[19] он уже был на передовой и давал интервью, завернувшись в плащ-палатку под танком.

«Я на это искренне надеюсь. Это одна из важнейших причин, почему я здесь нахожусь, — объяснял анархист. — Для того чтобы лично внести вклад в поражение этого монстра, который теперь уже выплеснулся так ужасно за границу Российской Федерации и который, я надеюсь, здесь переломает свои зубы и переломает свой хребет».

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Официально Петров пока находится в статусе пропавшего без вести. ДНК-экспертиза останков, которые смогли забрать из-под Бахмута, пока не завершена. Товарищи, которые были с ним в тот момент, не сомневаются в гибели, но пока все же остается небольшая вероятность того, что он мог выжить и, например, попал в плен.

2. Имя изменено.

3. По словам Окреста, в последние годы они с Петровым практически не общались.

4. Многие активисты считают, что шипование деревьев не наносит им вреда, но может вывести из строя пилу, которой их попытаются свалить.

5. Имя изменено.

6. Рашид Нургалиев занимал пост главы МВД с 2004-го по 2012 год.

7. В нулевых годах в России при поддержке власти активно действовало прокремлевское молодежное движение «Наши». Название перекликается с «антифашистским действием» — так часто обозначают себя антифа-активисты по всему миру.

8. Все имена в материале были изменены.

9. Имя изменено.

10. «Украинский дом» — здание в центре Киева, где проходили выставки и форумы. 26 января 2014-го, в разгар противостояния на Майдане, здание было захвачено протестующими.

11. Или, как его еще называют, Западный (или Сирийский) Курдистан.

12. Рабочая партия Курдистана — подпольная организация, которая с конца семидесятых ведет борьбу за независимость региона.

13. Собеседник попросил указать себя так.

14. Имя изменено.

15. Алексей Макаров тогда получил год и два месяца колонии; сам он говорил, что в этой акции не участвовал. Этот срок он тоже отбыл в следственном изоляторе.

16. Друзья Петрова, хоть сами в нем и не участвуют, детали раскрывать не могут.

17. В конце апреля британская разведка называла бои возле поселка Хромово под Бахмутом «ключевыми», поскольку Украина стремилась сохранить контроль над своим маршрутом снабжения, который подвергался постоянной атаке со стороны российских сил.

18. Имя изменено.

19. Интервью было записано в конце ноября или начале декабря 2022 года.